

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Г.Г. ХАЗАГЕРОВ

ОБЕССМЫСЛИВАНИЕ НАУЧНОГО ДИСКУРСА КАК ОБЪЕКТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

В статье рассматривается дисфункция научного дискурса, обусловленная рассогласованностью прагматических установок: самопрезентацией ученого и презентацией новых научных идей. Эта дисфункция приводит к возрастанию десемантизированных элементов, реферирующих к себе и убыванию содержательных элементов.

Ключевые слова: Функциональность, дисфункция, перформативность, топос.

Речь идет не о полной потере смысла научным дискурсом, а о тенденции сокращения компонентов, реферирующих к реалиям науки, за счет разрастания ритуальных компонентов, реферирующих к себе самим. Иными словами, этому дискурсу все в большей степени становится свойственна самопрезентация, демонстрация себя вместо реферирования к внешним объектам, нарастает автонимичность речи. В других терминах данное явление можно рассматривать как перформативность в ее противопоставлении текстуальности [26] или как фатику в ее противопоставлении информативности [29, с. 45]. В качестве свежего примера крайнего проявления десемантизации и самопрезентации можно привести случай, когда редколлегия научного журнала, не ведая подвоха, опубликовала бессмысленное сообщение, полученное машинным способом¹.

Дисфункция как лингвистическая категория. Дисфункция научного дискурса

Языкознание XX века развивалось под знаком функциональности. Функциональное осмысление получила, в частности, социальная

Хазагеров Георгий Георгиевич — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории мировой литературы Южного федерального университета. **Адрес:** 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 13, кв. 16. **Телефон:** (8–863) 263–42–28.

Электронная почта: khazagerov@gmail.com

¹ См.: http://www.scientific.ru/trv/2008/013/ostap_bender.html

сторона языка. В исследованиях прагматики языка под функцией обычно понимают взаимодействие языка с внешней по отношению к языку средой [21, с. 132–133]. В русле функционального подхода возникла и имеющая социологическую проекцию теория языковой нормы, сформировавшая представления о литературном языке и его функциональных разновидностях, или функциональных стилях [22], в том числе и представления о научном стиле речи [11].

Значительно беднее представлено в лингвистике понятие дисфункции. Оно связывается либо с расстройствами речи (например: [27]), в этом случае дисфункция языка понимается в исконном биологическом смысле, либо с неконгруэнтностью формальных и содержательных элементов, препятствующей декодированию [30, р. 95]. Заметных соображений о дисфункции языка в области, имеющей социологическую проекцию, высказано не было. Я имею в виду дисфункцию как сбой в функционировании социального института в ситуации, когда «некоторые из последствий социальной деятельности или института препятствуют другой деятельности или институту» [1, с. 124–125]. Таким образом, в лингвистике сложилось вполне корректное понимание дисфункции как рассогласованности, но оно, во-первых, не получило заметного резонанса, во-вторых, не коснулось той ветви функционализма, которая имеет выход на экстралингвистические объекты.

В свое время, отталкиваясь от тезиса о «коммуникативной целесообразности нормы», ставшего двусмысленным в современной культурно-языковой ситуации, я пришел к мысли о конфликте двух прагматик: ближней, не выходящей за пределы речевого акта, и дальней, направленной на мелиорацию коммуникативного пространства, на достижение коммуникативного комфорта в перспективе [25]. Уже такая простая модель, учитывающая конфликт между групповым (дальняя прагматика) и индивидуальным (ближняя прагматика) интересом говорящих, позволяет обнаружить природу языковой дисфункции в социокультурном плане. Так, сознательное отклонение от языковой нормы в рекламном тексте может объяснять коммуникативной целесообразностью, так как оно обеспечивает эффект в данном коммуникативном акте. Однако, если учитывать дальнюю прагматику, это отклонение нельзя признавать коммуникативно целесообразным, так как оно расшатывает норму и в перспективе представляет определенную угрозу для коммуникации в целом. Тезис о коммуникативной целесообразности теряет свою двусмысленность, если различать две прагматики. В этом случае можно обойтись без парадоксального вывода о том, что всякое сознательное отклонение от нормы само становится нормой [5], подготовленного еще работой А. Едлички, исходившего как раз из пражского тезиса о коммуникативной целесообразности нормы [9]. Но в этом случае мы сталкиваемся с той самой

ситуацией, когда результаты одного действия мешают осуществлению другого, то есть с рассогласованностью, сбоем.

Таким образом, дисфункция возникает там, где давление ближней прагматики на дальнюю выходит за определенные рамки, где не соблюдается мера, нарушается пропорция. Примером подобной дисфункции может быть риторическое давление на когнитивные структуры, заклеяемое публицистами под именем «оболванивания»: тиражирование упрощенной картины мира ради достижения ближайшей риторической цели может оказаться контрпродуктивным для самого адресанта такой риторики в долгосрочной перспективе.

Дисфункция и манипуляция

Манипуляцию в современной лингвистике рассматривают как один из видов речевого воздействия наряду с приказом, обманом и убеждением [4]. Манипуляция не содержит прямой лжи и не является прямым принуждением, однако от убеждения она отличается тем, что действует скрыто.

Если говорящий аргументирует с помощью силлогизма, он эксплицитно формулирует тезис, а затем защищает его, причем все стадии этой защиты вполне подконтрольны критическому анализу реципиента речи. Это типичное убеждение. Когда Аристотель наряду с понятием логического силлогизма вводит понятие риторического силлогизма, картина убеждения существенно не меняется. Просто под риторическим силлогизмом понимаются суждения, которые могут быть охарактеризованы как правдоподобные, вероятные, но не являющиеся стопроцентной истиной. Однако тезисы по-прежнему формулируются эксплицитно, а способы рассуждения не ускользают от рациональной критики. Именно поэтому наука об убеждающей речи (риторика) всегда открыто формулировала и даже пропагандировала свои приемы. Риторика неотделима от рефлексии.

Если же говорящий вообще не формулирует в явном виде свои тезисы и прячет свои доводы за слабо контролируемые разумом образы, перед нами манипуляция. Иногда ее называют также суггестией, то есть внушением, желая подчеркнуть социально безобидный или социально полезный характер последней [28]. Так, в коммерческих рекламах тезис «Потрать свои ресурсы именно на наш товар», как правило, не формулируется. Но если он, по крайней мере, осознается потребителем рекламы, то сами механизмы внушения обычно не осознаются. Манипулятивный характер носят и так называемые концептуальные метафоры в политическом дискурсе. Например, отождествление капиталистов с паразитами или власти с вертикалью выводит из зоны критики фактически защищаемые положения (капиталист социально вреден, власть всегда строго иерархична). Требуются специальные аналитические усилия по демонтажу таких метафор. Затрудненность рефлексии — спутник манипулирования.

С точки зрения экологии языка манипулирование может оказаться деструктивным. Речь идет не об отрицательном воздействии внушения на отдельных реципиентов речи, а о том, что широко применяемое манипулирование способно вызвать дисфункцию в дискурсе. Поэтому точнее говорить не об экологии языка, а об экологии отдельных дискурсов. Так, в общественно-политическом дискурсе распространение манипулятивных технологий ведет к его обеднению, к своеобразной когнитивной недостаточности, когда многое из происходящего оказывается в слепом пятне. Дисфункция, вызванная манипуляцией, особенно опасна для тех дискурсов, для которых существенны рефлексия и анализ. Очевидно, например, что художественному дискурсу дисфункция, вызванная манипуляцией, грозит меньше, чем научному.

Разумеется, дисфункции дискурсов могут быть вызваны не только манипуляцией.

Дисфункция в научном дискурсе

В связи с научным дискурсом нас будет интересовать случай, прямо противоположный риторическому давлению на когнитивные структуры: давление дальней прагматики на ближнюю. Примеров такого случая и связанной с ним дисфункции в истории словесности можно найти множество. Наиболее яркий пример — вырождение художественных систем под грузом избыточно нормативной поэтики. Правила и шаблоны, придуманные в заботе о коммуникативном пространстве в целом, начинают стеснять творческие возможности подлинных художников, открывая в то же время легкий путь для эпигонов или сервилитов. Менее известны, хотя и более прозрачны, аналогичные случаи с нормативной риторикой, или риторикой декорума [13]. В ней соображения уместности подчиняют себе непосредственно убедительность. Так, когда Ломоносов рассуждает о том, какая метафора «пристойней», игнорируя соображения эффективности, он поступает диаметрально противоположно тому рекламодателю, который ради эффективности готов пожертвовать не только уместностью, но и грамматикой, а зачастую и этикой. Ясно, что оба типа дисфункции имеют количественную сторону, поэтому в диахронии всегда можно проследить развитие дисфункции. Например, нормативная поэтика или риторика начинают теснить литературу и, соответственно, убеждающую речь не сразу, а лишь «набирая обороты». Обе дисфункции опасны именно своим прогрессирующим характером: прецедент стимулирует узус, а узус создает прецеденты.

Нечто подобное дисфункции второго типа (давления дальней прагматики) происходит и в научном дискурсе. Его дальняя прагматика состоит в достижении дискурсивного комфорта, то есть в стремлении к такому обустройству коммуникации, которое было бы максимально удобно ученым как сообществу. Здесь, однако, есть один

нюанс: вектор научного комфорта двумерен, что, кстати, ускользает от внимания функциональных стилистов, описывающих научный стиль через его стилевые черты точности, доказательности и т. п. В чем состоит эта двумерность?

Во-первых, научный дискурс должен быть устроен максимально удобно для обсуждения научных проблем, чем и продиктованы стремление к точности, доказательности и другие зримые черты этого дискурса (стиля). Во-вторых, научное общение должно быть устроено так, чтобы удобно осуществлялась сертификация ученых, присвоение им соответствующих степеней и званий. Это вызывает к жизни почти те же стилевые черты, но сдвигает их внутренние акценты. Чтобы это показать, обратимся к хорошо известному жанру автореферата диссертации.

Автореферат — синкретичный жанр, который решает две разнонаправленные риторические задачи. Конечно, в норме они согласуются, но потенциальная возможность их рассогласования достаточно велика и осуществляется достаточно часто. С одной стороны, в автореферате доказывается научная состоятельность соискателя. С другой стороны, доказываются непосредственно научные истины.

Возьмем ситуацию обычного экзамена. Здесь нет синкретизма, студент не сообщает экзаменатору чего-либо нового. Риторическая цель экзамена — добиться хорошей оценки путем демонстрации знания. Реферат же фатально синкретичен, и, только игнорируя человеческий фактор, его можно наивно принять за безразличное реферирование, цель которого — проинформировать ученый мир о проделанной работе. Вся структура автореферата как жанра говорит о том, что он, прежде всего, подчинен задаче доказательства состоятельности соискателя. Автор говорит об актуальности, новизне, значимости собственной работы, что противоречит зафиксированному в словарях определению реферативных текстов как лишенных оценочности [23]. А то, что доказательство научной состоятельности должно по идее вытекать из другого доказательства, тезисы которого представлены (снова по идее) в положениях, выносимых на защиту, функционально осложняет всю конструкцию, быть может, даже сообщает ей некоторое лукавство.

Элемент «экзамена» в научном дискурсе требует доказательности, но доказательности, как будет показано ниже, несколько другой, чем обычная доказательность гипотез. Элемент «экзамена» требует точности, терминологичности, требует работы с дефинициями, но и эти свойства, как будет показано, в ситуации экзамена будут несколько иными, нежели в ситуации свободной научной дискуссии. Иное дело, что в свободную дискуссию в силу несовершенства научных институтов также может быть перенесена ситуация экзамена. Например, диссертация («экзамен») перерабатывается в монографию, статья может быть написана «для публикации», то есть для сдачи «экзамена», а не в связи с намерением ознакомить с результатами некоторого исследования.

Итак, вектор дискурсивного комфорта в научной коммуникации складывается как равнодействующая между потребностями науки и потребностями процедуры. Было бы неверно сводить конститутивные признаки научного дискурса только к первым и провозглашать целью этого дискурса отстаивание определенной точки зрения в процессе познания мира (ср. [16]). При существенном повышении значимости процедуры коллективная прагматика научного дискурса запускает прогрессирующий процесс его десемантизации, что и следует рассматривать как лингвистическую и социальную дисфункцию. В этом состоит наша гипотеза, а для ее доказательства мы рассмотрим отдельные коммуникативные качества научной речи и отдельных дискурсивных стратегий.

В доказательство приведенных выше рассуждений рассмотрим отдельные коммуникативные качества научной речи и отдельных дискурсивных стратегий.

Многословность – краткость

Конфликт между познанием внешнего мира и презентацией себя как ученого наиболее ярко проявляется в выборе стратегий краткой или пространной речи.

Краткость уже в античной системе достоинств речи выделялась как самостоятельное качество, дополняющее четыре важнейших достоинства — ясность, уместность, чистоту и красоту. Причем ограничения на краткость накладывались лишь со стороны ясности: краткость не должна препятствовать ясности [2, с. 191].

Однако в разное время краткость или пространность могли превращаться из коммуникативного качества в некую самоцель благодаря эстетическому осмыслению этих качеств. Так, например, в изложении некоторых математических работ Николая Бурбаки краткость, компактность становится своеобразным фирменным знаком явно в ущерб скорости декодирования текста и, в целом, в ущерб ясности речи. Но и велеречивое многословие, затемняющее понимание, также может быть востребовано эстетически.

Всякое превращение коммуникативного качества речи в самоцель можно интерпретировать как феномен автотимической речи, то есть речи, реферирующей к себе самой. Это особенно очевидно в художественной речи, содержанием которой является не только отраженная в ней действительность, но и сама речь. Когда Пушкин говорит о краткости как о достоинстве прозы, он имеет в виду именно это, что демонстрирует и стиль его прозы: эстетическое наслаждение мы испытываем оттого, что чувствуем: не сказано ничего лишнего. Вместе с тем обаяние прозы Гоголя имеет прямо противоположный источник. Мы не перестаем удивляться и восхищаться (см. эссе Владимира Набокова, самого вдумчивого читателя Гоголя [18]), глядя, как

повествование обрастает новыми деталями, казалось бы, не имеющими никакого отношения к написанному. В древнем противопоставлении двух синтаксических стратегий — сентенционарной и периодической — кроется представление о краткости и многословии как о двух самостоятельных качествах, не зависящих непосредственно от задачи изложить мысли ясно и не сказать ничего лишнего.

Итак, краткость и пространность можно рассматривать и как коммуникативные качества речи, ориентированные на референцию к действительности, и как эстетические качества, реферирующие к самой речи. Последний случай чаще всего имеет место в художественных текстах, хотя его область распространения гораздо шире. Как же обстоит дело в научном дискурсе, осложненном «экзаменационно-познавательным» синкретизмом?

При обсуждении научных проблем краткость, не противоречащая ясности, — явно востребованное качество, облегчающее научное общение. Краткость позволяет быстрее вычленить главное и новое в научном сообщении, облегчает информационный поиск и следование за ходом мысли. Основываясь на этих соображениях (но отнюдь не на реалиях научного дискурса), лингвисты уверенно пишут: «Научная речь в целом настроена на лаконичное изложение материала, но в своей учебной разновидности она может характеризоваться большей детализованностью, пространностью, наличием повторений — это удобно и полезно для обучаемого» [14, с. 291]. В тексте-экзамене это, конечно же, не так: пространность не продиктована потребностью объяснения.

Как известно, принцип выдвигания, сформулированный в стилистике декодирования, работает на выявление в тексте «ударных», то есть самых существенных моментов, которые образуют сокращенное ядро текста [3]. В научной речи на этот принцип (и на краткость) работают реферирование, аннотирование, резюмирование, анонсирование и т. п. Имеется, таким образом, целый ряд приемов, направленных на компенсацию вынужденного многословия научной речи, и эти приемы становятся все более востребованными, ибо в научном многословии совсем нелегко найти нужную информацию. Вопрос, однако, состоит в том, чем обусловлено само многословие, не замечаемое исследователями научной речи? только ли необходимой для доказательности детализацией?

В ситуации экзамена пространность позволяет демонстрировать знания и владение научной терминологией и фразеологией. Пространное изложение говорит об эрудиции, широте интересов, системности знаний, владении материалом и т. д. Пространность востребована в ситуации экзамена. Ср. выражения: «неполный ответ», «дайте развернутый ответ», «не выдержан объем курсовой» и т. п. Доказательность направлена в этом случае не вовне, реферируя к научным реалиям, а на состоятельность экзаменуемого, реферируя не только к

содержанию, но и к характеру самой речи.

По-видимому, в ситуации познания краткость скорее выступает как обычное коммуникативное качество речи, не обладая самостоятельной ценностью. Реже на это качество накладываются требования моды. А вот в ситуации экзамена пространность речи ценна сама по себе. Чтобы в этом убедиться, обратимся к топосам, или общим местам.

Известно, что топосы изначально мыслились как достаточно абстрактная тематическая разметка, служащая для поиска аргументов, то есть были подчинены задачам доказательности [17, с. 126–133], позже их функцию стали понимать шире — с помощью топосов производится аспектуализация рассматриваемой темы. Всякий топос, вводящий в раскрытие темы новый аспект, объективно ведет к расширению речи. Поэтому, например, при подготовке юбилейных речей, где вопрос об аргументах остро не стоит, удобно пользоваться топосами: они подсказывают автору речи, о чем вообще можно говорить, как развернуть речь, не ограничиваясь двумя словами, то есть позволяют выдержать приличествующий объем. То же можно сказать о поздравлениях и комплементах. Риторическая инвенция, «нахождение», «изобретение» мыслей ярче всего проявляются в использовании топосов.

Природу топоса легче всего проследить на примере топоса «род и вид», выделенного Аристотелем. Если мы говорим о какой-то вещи, имеет смысл спросить себя: а имеет ли она разновидности, и нет ли необходимости поговорить о каждой разновидности в отдельности? Наличие этих разновидностей может подсказать нам аргумент или предотвратить контраргумент («А вы рассмотрели такой-то случай?»), но может и просто обеспечить должный объем речи («Успехов в труде, учебе и личной жизни!» — развертывание поздравления по видам успехов).

В ситуации экзамена топос «род и вид», что называется, входит в правила игры: экзаменатор сам может спросить: «А какие виды такого-то явления вам известны?». Но в реальной научной речи этот топос зачастую оказывается избыточным. Топос «история вопроса» тоже не всегда функционален. Но подлинным поставщиком научного «спама» является топос «определение». Здесь взаимно дополняют друг друга две типичные дисфункции: избыточность определения и избыточная критика уже данного определения. В обоих случаях речь идет об определениях, с которыми не производится никакой дальнейшей работы: определим ли мы объект так или эдак, для дальнейшего хода мысли это безразлично.

Рассмотрим фразу из автореферата вполне «нормальной» диссертации: *Общелингвистическая методологическая база для изучения [опускаю по этическим соображениям объект изучения, к тому же сюда может быть помещено название многих объектов] ...базируется на принципах антропоцентризма, структурности и*

системности, а также функционально-системном и деятельностном подходах к языку, когда лингвистические явления рассматриваются как системно организованные динамические образования, способные входить в различные структуры как более высшего, так и более низшего порядка.

Избыточность описания «базирующей базы» с содержательной точки зрения достаточно очевидна. Лишним является, по меньшей мере, топос определения, реализованный в пояснении того, в чем состоит функционально-системный и деятельностный подходы. Само это пояснение амплифицировано «высшим» и «низшим» порядком (топос «род и вид»), или, сохраняя не очень хорошую грамматику, «более высшим» и «более низшим» порядком. В действительности и сами принципы антропоцентризма, структурности и системности представляют собой общее место современной лингвистики, о котором не пишет только ленивый, так как это модные ключевые слова, семантика которых сама по себе обнаруживает тенденцию к размыванию. В целом, с моей точки зрения, отрывок несет в себе так мало информации, что может быть без ущерба перенесен из одного реферата в другой. Но в контексте экзамена приведенный отрывок можно истолковать как нормальный ответ на вопрос: «А в чем состоит методологическая база?» (читай: «Способен ли ты поговорить о методологической базе?»). Однако в плане обсуждения научных вопросов весь отрывок представляет собой балласт, словесный ребус, разгадка которого ничего не дает читателям автореферата, если ими движет любопытство к затронутой проблеме, а не санкционированное желание дать оценку творчества соискателя.

С помощью общих мест научного дискурса всегда можно изыскать способы реализовать в тексте избыточные повороты мысли, не ведущие к цели исследования. Особенно характерна избыточная дефинитивность и анализ дефиниций, превращенный в самоцель.

Логичность – фактологичность

Логичность как коммуникативное качество речи стала рассматриваться лишь в XX веке, причем объем понятия «логичность речи» у разных авторов различен. Логичность это, во-первых, логическая непротиворечивость, во-вторых, последовательность изложения, яркая экспликация логических связей, иногда под логичностью понимают элементарную симметрию изложения. Б.Н. Головин, который еще в начале 1960-х годов сделал попытку систематизировать качества речи, считал логичной ту речь, «семантические связи между элементами структуры которой не противоречат законам логики [5, с. 3]. В «Стилистическом энциклопедическом словаре» авторы статьи «Логичность» замечают, что «на уровне текста логичность заключается в умело построенной композиции» [8, с. 213]. Ср.: «Логичность на уровне целого текста связана с его композицией и предполагает деление текста на пропорциональные части и обдуманную последовательность этих частей с обозначением перехода от одного смыслово-

го отрезка к другому» [15, с. 310].

Очевидно, включение в логичность «последовательности изложения» обрекает на плавный перевод ее из разряда от *argumentum ad rem*² в разряд *argumentum ad hominem*³, так как имплицитно включает категорию адресата. Ведь изложение тем последовательнее, чем оно убедительнее для адресата (непоследовательно развивать мысли так, чтобы их плохо воспринимали), а убеждает адресата не только яркая экспликация логических связей, эксплицитное обозначение «перехода от одного смыслового отрезка к другому», но и, скажем, «деление текста на пропорциональные части».

Но даже если оставлять представления о логичности в пределах экспликации логических связей, следует учесть, что такая экспликация может диктоваться собственно коммуникативными соображениями (педалирование логических связей для облегчения понимания), а может являться самоценной категорией. Причем ценность ее, как это ни странно звучит, — эстетическая. Тем более легко себе представить «пропорциональные части» как эстетическую ценность.

Даже в убеждающей речи хорошо продемонстрированная логика служит самостоятельным аргументом. Говоря «логично рассуждает», мы редко подразумеваем следование закону исключенного третьего или другим законам логики. Чаще это означает «хорошо, последовательно раскрывает тему», а «последовательное раскрытие», в свою очередь, не сводится к тому, что причины следуют за следствиями. То есть под «логичностью», последовательностью изложения мы понимаем даже не экспликацию логических связей как таковую, а попросту симметрию изложения. Последняя всегда было характерна для торжественного красноречия, где широко использовались симметричные синтаксические построения в сочетании с контрастом и звуковыми повторами, то есть три горгианских фигуры: исоколон, антитеза и омойотелевтон. Стоит напомнить, что Горгий, введший эти фигуры в употребление, был представителем софистической риторики, и его концепция убеждающей речи строилась на «зачаровывании» слушателей, то есть фактически была манипулятивной [12]. В судебном и совещательном красноречии такая «логичность» может, впрочем, и насторожить реципиента речи («Слишком красиво!»). Однако феномен семинаристской риторики Сталина, подававшейся и воспринимавшейся как воплощенная логичность, говорит о действенности горгианских фигур.

В художественной речи симметричные построения с логическими связками часто оставляют впечатление рационалистичности, рассу-

² *Argumentum ad rem* (лат.) — аргумент, обращенный к существу дела, существу предмета. — Прим. ред.

³ *Argumentum ad hominem* (лат.) — аргумент, обращенный к человеку, к личности. — Прим. ред.

дочности. Здесь эстетическая природа «логичности» обнаруживается с особенной очевидностью. В догматической, аксиоматической речи, например, в формулировках законов и правил, симметрия также воспринимается как «своеобразная логика», как аргумент в пользу этих правил.

В ситуации экзамена приветствуется всякая логичность, в том числе и избыточная экспликация логических связей и даже обычная симметрия в рассуждении (особенно в письменных жанрах). В ситуации академического «экзамена» логическое рассуждение часто служит пропуском для какого-либо пассажа, избыточного в раскрытии темы, а симметрия изложения легко отождествляется с последовательностью изложения. Собственно, то, что было выше сказано о топосах, можно понимать как способ «логического» включения в речь расширяющих ее пассажей. Выражение «В огороде бузина, а в Киеве — дядька» обозначает отсутствие причинно-следственной связи между частями высказываниями. Топосы же выступают как способы связи «дядьки» с «бузиной». Скажем, топос «от места» позволяет развить тему огорода настолько, чтобы перейти от нее к теме Киева.

Если же говорить о собственно научной полемике, где потребна доказательность, то горгианская риторика должна быть воспринята как запрещенный прием. Красиво расчлененное описание гипотезы не может быть принято как аргумент в ее пользу. Со школьных времен мы помним, что решение задачи в целых числах выглядит красивей, чем полученные в результате дроби, а аналитическое решение красивей приближенного. Но мы также помним о том, что такое правильное решение.

Широко понимаемая логичность — лучшая защита от фактов. Можно быть сколь угодно последовательным, не касаясь неудобных вопросов (альфа и омега демагогии), но можно быть последовательным, не касаясь вообще никаких вопросов (ноу-хау пустословия, лептологии). Информативность противопоставляется фатике по линии «новизна — банальность» [10, с. 218]. Логичность несколько не противоречит банальности, а симметрия успешно камуфлирует последнюю. Напомним, что в ситуации экзамена банальность — благо, а вот в собственно научном дискурсе постулируется новизна. Но часто ли она выдерживается? Рассмотрим достаточно частотную фразу:

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые была предпринята попытка комплексного изучения такого-то объекта.

Зададимся вопросом, что происходит чаще: исключает ли это высказывание банальность или камуфлирует ее? Ответ зависит от индивидуального читательского опыта. Но вполне возможна такая схема. *Волга впадает в Каспийское море* — обычное, не комплексное изучение ситуации. *Волга впадает в Каспийское море на протяжении многих лет, Волга впадает в Каспийское море и сегодня* — комплексный, диахронический и синхронический подход к ситуации. Если развить

оба подхода в синтаксически соизмеримых частях и закончить их созвучными выводами, мы придем к логичности и используем все три горгианских фигуры: антитезу, равенство членов периода и созвучие окончаний.

Добавим к этому, что если логичность не исключает банальности, то несколько банальностей, произвольно связанных в принятые в науке синтаксические конструкции, могут оказаться и алогичными или, во всяком случае, логически темными. Вот пассаж из автореферата.

Анализ динамического существования науки актуален, весьма сложен и требует выработки целостной системы критериев для определения оправданности одних языковых изменений в тот или иной исторический период и недопустимости других.

О чем это? Во-первых, утверждается, что анализировать изменения, происходящие в науке, актуально. Во-вторых, что это еще и сложно. В-третьих, что в языке есть оправданные и неоправданные изменения. В-четвертых, что необходима целостная система критериев для установления оправданности или неоправданности. Все четыре истины достаточно банальны. Не только не тривиальна, но и алогична связь первого и второго с третьим и четвертым. В каком смысле анализ динамики самой науки требует критериев для анализа динамики изучаемых этой наукой процессов? Конечно, это можно было бы понять так: в языке происходят процессы, и лингвистика их оценивает, но если мы хотим оценивать процессы, протекающие в самой лингвистике, мы должны каким-то образом ревизовать оценку ею (лингвистикой) процессов, протекающих в языке. Но даже при таком насильственном сведении концов с концами, совершенно не вытекающим из контекста приведенной цитаты, остается вопрос, зачем в одной синтаксической конструкции смешивать процессы, происходящие в лингвистике, и процессы, происходящие в языке.

Отметим, что при беглом чтении приведенной выше фразы ее алогизм, а в какой-то мере и банальность, ускользают от нашего внимания, и фраза в целом воспринимается как достаточно типичная, адекватная современному научному дискурсу. И это впечатление, к сожалению, справедливо.

Идиоматичность – практичность

Идиоматичность в языке обычно противопоставляют логичности. Знание идиомы не выводится логическим путем, и именно поэтому оно является ценным свидетельством принадлежности к определенному узусу. Новогреческий язык невозможно постигнуть методом аббата Фариа, героя «Графа Монте-Кристо», выведя его логическим путем из древнегреческого. Чтобы говорить на том или ином жаргоне и идентифицироваться в качестве «своего», необходимо знать идиомы этого жаргона.

В научной речи идиомами являются словосочетания, обозначающие терминологию и номенклатуру данной отрасли науки, а также типичные для научного дискурса выражения, связанные, например, с таким его свойством, как некатегоричность суждения: «к сожалению, мы не можем полностью принять точку зрения такого-то», «по-видимому, было бы целесообразно также рассмотреть и такой-то случай» и т. п.

В ситуации экзамена демонстрация знаний идиом является ключевой. Она служит индикатором того, что соискатель, как говорят, «находится в теме». При этом, поскольку в отдельных отраслях науки идиоматика развивается достаточно бурно, отражая смену школ и парадигм, знание идиоматики свидетельствует еще и о том, что соискатель следит за современным состоянием науки, не отстает от жизни, следует научной моде. Неслучайно поэтому, что именно злоупотребление модными научными идиомами — наиболее яркая черта бессодержательной научной речи.

Идиома располагает к вторичной референции, собственно, ее идентифицирующая функция, функция знака принадлежности к кругу избранных, уже есть проявление этой референции. В древней риторике паремию, афоризм и прочие малые формы прецедентных текстов считали тропами, то есть, в наших терминах, единицами вторичной номинации. Яркая идиома, как метафора или фигура, имеет второй смысл, но, в отличие от метафоры, этот смысл лежит вне описанных в тексте реалий, он заключен в самой коммуникативной ситуации. Перефразируя слова Дю Марсе, сказанные еще в XVIII веке о словесных фигурах, можно сказать, что идиома описывает себя саму.

Речь, насыщенная модными словами и оборотами, должна продемонстрировать принадлежность автора к определенному кругу лиц, есть перформанс в том смысле слова, какой в него вкладывают исследователи художественной коммуникации. Как известно, термин «перформатив» был введен Дж. Остином [19]. Юрген Хабермас распространил категорию перформативности на текст [24]. Перформативность стала рассматриваться как вариант самопрезентации языковой личности отправителя сообщения, автора текста [7]. Если перформативами называют слова, равные делу («посвящаю», «благодарю» и т. п.), то в перформансе «делом» является само слово: у текста нет иного «дела», кроме как продемонстрировать себя, поэтому он и есть один большой перформатив. Следовательно, можно говорить о перформативности и текстуальности, как о двух противопоставленных характеристиках текста. Идиома-знак принадлежности к ученому сообществу или к модной научной школе вносит в текст перформативность. Само по себе это не хорошо и не плохо. Латынь в рецепте традиционно служит признаком принадлежности к касте медиков и, очевидно, оказывает некоторое терапевтическое воздействие на пациентов, незнакомых с латынью. Тем не менее, целые поколения юмори-

стов смеялись над пустыми рецептами, когда больному выписывается вода или поваренная соль, что камуфлируется латынью. Способность прятать пустословие за научной идиоматикой известна широко за пределами ученого мира. Существует специальный риторический термин «лептология» для обозначения «тонкой и темной» речи. Такая речь выглядит как речь посвященных, но обычно скрывает пустословие.

В 1980-х годах была опубликована работа, посвященная динамике устойчивых словосочетаний в научной речи, прослеженной за довольно длительный период. Вывод автора таков: «В эволюции употребления регулярных словосочетаний хорошо прослеживается неуклонное возрастание их количества. Причем наиболее резко и заметно эта тенденция проявляется в текстах “рассуждающего” характера, и, очень постепенно, но “упорно”, растет их количество в текстах-описаниях» [20, с. 108]. Мне кажется, это можно интерпретировать и так, что тексты-рассуждения более эластичны для использования модных словосочетаний, чем тексты описания. Особенно интересно было бы выделить в особую группу метарассуждения, в которых идет речь о различных научных подходах, методологии работы и т. п.

Разумеется, за модными научными идиомами стоят и актуальные научные категории, однако связь эта допускает большую степень свободы. Скажем, в связи с торжеством когнитивистики в моду входят все дериваты слова «когнитивный». Но поскольку, в отличие от животных, у которых сигнальные системы не зависят от когнитивных процессов, у человека когнитивное тесно связано с коммуникативным, слово «когнитивный» без труда может быть использовано всегда, когда речь идет о языке. Отметим, что синоним «познавательный» там, где только можно, в связи с модой меняется на «когнитивный».

Вообще богатая синонимия языка, в том числе и языка научного, может использоваться говорящим для формирования собственного имиджа. Одно и то же явление можно назвать и паттерном, и фреймом, и скриптом, и сценарием, и шаблоном, и языковым стандартом, и штампом, и трафаретом, и стереотипом, а при желании также и архетипом, и концептом, и топосом, и мотивом. Конечно, у всех этих терминов есть своя область значений, но степень свободы здесь велика. Что же касается употребления, то оно в норме соответствует научной школе, давая понять адресату, из какого контекста взято слово. Но ведь принадлежность к школе можно и имитировать, а в ситуации экзамена имитация равна реальности. При этом здесь, как и всюду, «экзамен» иррадирует в зону научной дискуссии.

Заключение

Перформативность научных текстов нарастает по мере того, как совершенствуются речевые технологии сдачи экзамена на научную состоятельность. Отрабатываются гладкие, удобные формы, позво-

ляющие переносить акцент с решения и даже обсуждения научных проблем на перформанс научного текста, отвечающего всем формальным требованиям, как бы эти требования ни ужесточались. Причем эта перформативность легко иррадирует из работ в рецензии и из одной работы в другую. Постепенно она становится узусом научного дискурса: все больший уровень перформативности и меньший уровень текстуальности воспринимается нами как допустимый. В свое время Г. Хердан и другие авторы пытались подойти к норме со статистической точки зрения: ошибки трактовались как отклонения от частот [31]. Позже интерес к количественным методам значительно снизился, теряя не только сторонников, но и противников. Однако совершенно очевидно, что именно нарастание количественных изменений ведет к качественному изменению узуса.

Возникшая дисфункция не производит впечатления устранимой путем ужесточения формальных требований к диссертациям и публикациям, как и путем призывов к научной добросовестности. Формальные требования только оттачивают технологии перформанса, а узус формирует новые представления о научной добросовестности, которым бессмысленно противопоставлять нормы прошлого. История словесности показывает, что дисфункции, связанные с давлением дальней прагматики на ближнюю, устраняются либо глобальной сменной парадигмы, как произошло с системой классицизма в литературе, либо серьезными институциональными изменениями, как произошло при обновлении судебного красноречия в пореформенной России. Никакие имманентные причины для замедления процесса десемантизации, то есть буквально обесмысливания, научного дискурса не просматриваются.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер С.* Социологический словарь. М.: Экономика, 2004.
2. *Античные теории языка и стиля* / Под ред. О.М. Фрейденберг. М.; Л.: ОГИЗ, 1936.
3. *Арнольд И.В.* Стилистика декодирования как прагматическая стилистика // Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 168–182.
4. *Беляева И.В.* Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2008.
5. *Борухов Б.Л.* Стиль и вертикальная норма // Стилистика как общефилологическая дисциплина. Калинин: КГУ, 1989. С. 4–24.
6. *Головин Б.Н.* Опыт лингвистической систематизации качеств речи // Вопросы стилистики: Тезисы докладов на межвузовской конференции. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1962.
7. *Грязнова Ю.Б.* Перформативные тексты в методологии науки. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. М., 1998.

8. *Дускаева Л.Р., Протопопова О.В.* Логичность (как коммуникативное качество речи) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 211–213.
9. *Едличка А.* Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. XX.
10. *Клюев Е.В.* Фатика как предмет дискуссии // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М.: Наука, 1996.
11. *Кожина М.Н.* Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 242–248.
12. *Корнилова Е.Н.* Риторика — искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи. М.: УРАО, 1998. С. 25–27.
13. *Ляхманн Р.* Два этапа риторики «приличия» (decorum) — риторика Макария и «Искусство риторики» Феофана Прокоповича // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в. М.: Наука, 1989.
14. *Матвеева Т.В.* Лаконичность // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 291.
15. *Матвеева Т.В.* Логичность речи // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 310–311.
16. *Михайлова Е.В.* Конститутивные признаки научного дискурса // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания. Волгоград: Перемена, 1997.
17. *Москвин В.П.* Аргументативная риторика. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2008.
18. *Набоков В.* Николай Гоголь // Набоков В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1996.
19. *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986.
20. *Перчаткина Н.Н.* О функционировании регулярных словосочетаний в научном стиле речи XVIII–XX веков в связи со способами изложения материала. Структура лингвостилистики и ее основные категории. Пермь: Изд-во Пермского университета, 1983.
21. *Сусов И.П.* Функциональный подход в языкознании и прагмалингвистика // Функционально-типологические проблемы грамматики. Ч. 2. Вологда: Вологодский ГПИ; ЛО ИЯ АН, 1986.
22. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967.
23. *Тумина Л.Е.* Реферат // Эффективная коммуникация: история, теория, практика. М.: КРП Олимп, 2005. С. 930.
24. *Хабермас Ю.* Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 35–40.
25. *Хазегеров Г.Г.* Ось интенции и ось конвенции: к поискам новой функциональности в лингвокультурологических исследованиях // Социологический журнал. 2006. № 1/2. С. 40–62.
26. *Четыркина И.В.* Перформативность как конститутивный признак культуры: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2005.
27. *Чиркина Г.В., Корнеев А.Н.* Современные тенденции в изучении дислексии у детей // Дефектология. 2005. С. 89–93.
28. *Чумичева Н.В.* Копирайтинг и рекламная суггестия: алгоритмизация творчества. Автореф. дисс. ... кандидата филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
29. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
30. *Gardiner A.* The theory of speech and language. Oxford: Clarendon, 1997.

31. *Herdan G. Language as Choice and Chance. Groningen Holland: Noordhoff, 1956.*